

Том Мейн: дворняжка — это звучит гордо

Интервью для Коммерсант 2006

Самым именитым гостем "Арх-Москвы" стал лауреат Притцкеровской премии (архитектурной Нобелевки) 2005 года ТОМ МЕЙН, которого привез в Россию журнал AD. Том Мейн провел мастер-класс и ответил на вопросы ГРИГОРИЯ Ъ-РЕВЗИНА.

— Вы лауреат Притцкеровской премии. Можете рассказать, как вы им стали? Кто вас выдвигал, какие были конкуренты, интриги, как вообще это делается?

— Ничего не могу вам сказать. Там все происходит очень закрыто. Есть комитет премии, но состав его оглашается вместе с именем лауреата, они выдвигают каких-то номинантов. Я узнал, что меня рассматривают в числе претендентов, только потому, что оргкомитет попросил у меня мой стандартный портфолио, и все. А потом позвонили и сказали, что я — лауреат.

— В 80-е годы вы были известны как философ архитектуры, теоретик и, с другой стороны, художник. Вы придумывали балеты с динамическими декорациями, вы искали архетипы пространства, вы были в оппозиции архитектурному истеблишменту. Теперь все поменялось, вы строите большие комплексы в Лос-Анджелесе, университеты, школы, развлекательные центры. Как вы считаете, вы ничего не потеряли от этой метаморфозы?

— Это обычно для архитектора. Когда вы молоды, вам никто не доверяет. Инвестор готов доверить свои деньги только человеку с именем, а у вас его нет. Тогда вы заявляете какую-то художественную программу. Благодаря ей вы становитесь известным в художественных кругах, делаете выставки, пишете книги, манифесты, о вас пишет пресса. Тогда приходит инвестор. Для меня этот период занял 25 лет, с начала 90-х я начал работать с реальным заказчиком. Большинству заказчиков нужно, чтобы было построено дешево и просто, но в итоге они выбирают новые художественные программы, получившие адаптацию в профессиональных кругах, и под них дают деньги.

— И насколько в этом случае удастся реализовать свои идеи? Я спрашиваю потому, что когда рассматриваешь ваши проекты 80-х, то это какое-то очевидно оригинальное художественное движение. А то, что вы строите сейчас, по-моему, вполне может быть отнесено к

направлению деконструкции. Это похоже на "Кооп Химмельблау", Фрэнка Гери, Даниэла Либескинда, Заху Хадид.

— Нет, я не согласен. Критики всегда пытаются навесить ярлык. Я считаю, то, что я делаю, это не деконструкция, это реконструкция пространства, проявление его внутренних смыслов. Конечно, сегодня мы пришли к тому, что все мы печатаемся в одних журналах, участвуем в одних и тех же выставках, все кажемся друг на друга похожими, но ведь это вопрос интерпретаций. Вы видите так, я иначе.

— В обоснованиях жюри, выбиравшего вас лауреатом Притцкера, притцкеревского жюри, сказано, что вы архитектор, не связанный с традициями европейского модернизма, что вы целиком вырастаете из контекста Лос-Анджелеса.

— Я такого никогда не говорил. Нет, на меня оказали влияние разные архитекторы, по всему миру. Больше всего, конечно, Джеймс Стирлинг, хотя моя архитектура на него не похожа. Лос-Анджелес? Ну там была своя архитектурная школа — Шиндлер, Нейтра, мы у них учились, но это было скорее отталкивание, чем притяжение. В 80-е годы Лос-Анджелес очень изменился, он стал частью глобальной культуры. И именно тогда зашла речь о лос-анджелесской школе, о Фрэнке Гери, обо мне.

— Когда смотришь на ваши комплексы, то такое ощущение, что это, скажем, не университет, а завод, который начал разваливаться от ржавчины, и тут вы пришли и остановили этот процесс, зафиксировали завод в недоразваленном состоянии. В Европе такая архитектура обосновывается трагедиями XX века, войной, разрушенными городами, холокостом, как у Либескинда. А что это значит в Лос-Анджелесе, городе, возникшем не из кремля, не из замка, а из семи киностудий?

— Вы правы, у нас молодая культура. И в этой культуре главное достоинство — множественность интерпретаций. Отсутствие однозначности. Я бы интерпретировал все это в терминах биологии. Известно, что сломанное дерево биологически гораздо активнее, чем растущее, оно гниет, в нем поселяются мхи, муравьи, грибы, это настоящий катализатор биологических процессов. Таким разломанным молнией деревом является моя архитектура. Она разваливается и катализирует процесс, и это очень позитивно. Это не трагедия, а ускоритель жизни, и он не поддается однозначному толкованию.

Я вообще не понимаю однозначности. Я не могу сказать, кто я такой. Мой дед был из Лондона, бабушка — из Копенгагена, мой отец был ирландцем, у меня были предки немцы, французы, моя фамилия — Мауне — французского происхождения. Я не принадлежу никакой

культуре, всем сразу. Как вы называете собак, получившихся от смешения разных пород? Дворняжки? Вот, я — дворняжка. Дворняжка — это очень сильное, гордое слово.

— **У вас есть планы строить в России?**

— Возможно.

— **Вы знаете, у нас страна, основанная на православной культуре. То есть у нас есть одна глубинная истина, есть историческая традиция, из которой эта истина вырастает, и цель творческого акта — ее достичь. И я боюсь, что с такой множественностью интерпретаций вы столкнетесь с некоторыми проблемами.**

— Что вы говорите! А я полагал, что Россия — мультикультурная страна. Я считал, что у вас светское государство — разве нет? Я слышал, что у вас множество религий, что есть и мусульмане, и христиане, и атеисты, и что по конституции у вас все равны. Разве это неверно?

— **Формально вы правы, но вы понимаете, есть историческая традиция...**

— Вам нужно уходить от этой традиции. Архитектура, слишком детерминированная историей, — это плохо, она теряет свободу. Без этого вы не сможете двигаться вперед. Сейчас вы пришли в новое состояние, вы стали частью глобального мира, вы можете все изменить. У вас появилась уникальная возможность полностью перестроить ваши города и избавиться от груза истории. Сломать их и катализировать процесс.

06.06.2006

<http://www.kommersant.ru/doc/679557>